

УДК 811.161.1

**УСТОЙЧИВАЯ РИФМОВКА С ОДНОЙ И ТОЙ ЖЕ
ЛЕКСЕМОЙ – ИМЕНЕМ СОБСТВЕННЫМ:
ДИАХРОНИЧЕСКИЙ АСПЕКТ**

Твердохлеб О.Г.

ФГБОУ ВПО «Оренбургский государственный педагогический университет, филологический факультет», Оренбург, e-mail: ogtwrd@gmail.com

В представленной статье проанализированы и описаны русские пословицы, в которых личные имена собственные часто «тяготеют» к постоянной, устойчивой рифмовке с одной и той же лексемой. Показано, что рифмовка существительных мужского и женского рода типа Савва – слава, Ивашка – рубашка, Фома – сума, Илья – свинья, Емеля – неделя, Ананья – Маланья объясняются исторической морфологией, так как все они восходят к прежнему древнерусскому склонению с древней основой на *ā, *jā. Историческая морфология объясняет и наличие рифмующихся устойчивых пар существительных мужского рода Иван – болван, Мартын – алтын (тын), Роман – карман, Влас – квас, восходящих к прежнему древнерусскому склонению с древней основой на *ō, *jō. Приводится богатый иллюстративный материал, показывающий рифмующиеся анализируемые пары существительных в разных падежных формах, создающие точные и неточные рифмы.

Ключевые слова: рифма, имена собственные, склонение на *ā, *jā и на *ō, *jō.

**STEADY RHYMES WITH ONE AND THE SAME LEXEME – NOUN:
A DIACHRONIC ASPECT**

Tverdokhlebo O.G.

Orenburg State Teacher Training University, Orenburg, e-mail: ogtwrd@gmail.com

The article analyzes and describes the Russian Proverbs in which personal proper names are often gravitate to a permanent, sustainable rhymes with the same token. It is shown that the rhyme of masculine and feminine type Savva – slava, Ivashka – rubashka, Foma – suma, Il'ya – svin'ya, Emelya – nedelya, Anan'ja – Malan'ja explains the historical morphology, as they are all still date back to ancient decline with an ancient basis in *ā, *jā. Historical morphology and explains the existence of stable pairs of rhyming nouns masculine Ivan – bolvan, Martyn – altyn (tyn), Roman – karman, Vlas – kvas, dating back to ancient still decline with an ancient basis in *ō, *jō. Provides rich illustrative material, showing the analyzed pairs of rhyming nouns in various case forms, creating exact and inexact rhyme.

Keywords: rhyme, nouns, declension in *ā, *jā and *ō, *jō.

В.И. Даль в своем «Напутном слове», предпосланном к сборнику «Пословицы, поговорки и прибаутки русского народа», говорит о пословицах, что «...иной, может быть вникнув в этот дюжий склад речи, увидит, что тут есть чему поучиться» и что «грамматика не только могла бы и должна бы многому поучиться у пословиц, но должна бы быть по ним, во многих частях своих переверстана» [2]. Продолжая исследовать рифмовку русских пословиц [3-6], в данной работе мы остановимся на историко-морфологическом аспекте существования устойчивой рифмовки с одной и той же лексемой – личным именем собственным в русских пословицах: У Фомушки (имя собств.) денежки, Фомушка (имя собств.) Фома (имя собств.); у Фомушки (имя собств.) ни денежки, Фомка (имя собств.) Фома! (имя собств.).

Традиционно под пословицей понимается «...краткое, устойчивое в речевом обиходе, ритмически организованное изречение, обладающее способностью к многозначному употреблению в речи по принципу аналогии... Пословица характеризуется

таким типом образного построения, при котором воспроизводится экономно избранная конкретная ситуация с выделением таких сторон ее, которые взятые в известной своей части, отвлеченно от других сторон, могут стать обобщенной формой передачи мысли» [8: 276]. Б.В. Томашевский считает, что «русская рифма появилась прежде, чем возникла русская книжная поэзия, и зародилась она в различных областях... в частности... в поговорках, в пословицах, в присловиях... Следовательно, возникновение рифм относится к очень отдаленному прошлому, потому что сказать, когда возникла пословица, очень трудно» [7: 419].

Крупнейший русский языковед Ф.И. Буслаев уподоблял язык «старинному городу, в котором остатки дохристианских развалин перестроены частью в храмы, частью в жилые дома и в котором рядом с античным, греческим или римским портиком уютно и скромно стоит хижина новейшего изделия. Описать такой город – значит изложить его историю. Такая смесь развалин, перестроек и новых сооружений и в языке: распутать грамматические формы, в которых

так затейливо перепутано старое с новым, не иначе возможно, как подробным изложением истории языка» [1: 121]. Такому «старинному городу» в значительной мере можно уподобить язык русских пословиц. Нас интересует в данной работе только рифмовка слов в русской пословице.

Как показывает обнаруженный нами материал, в русских пословицах личные имена собственные древнерусских склонений с древней основой на *-ā, *jā и на *-ō, *jō часто «тяготеют» к постоянной, устойчивой рифмовке с одной и той же лексемой.

При этом создаются либо только точные (существительными склонения на *-ō, *jō), либо и точные, и неточные рифмы (существительными склонения на *-ā, *jā).

Так, часто рифмуются пары существительных мужского и женского рода типа одного и того же типа прежнего склонения, напр.:

- Ивашка – рубашка;
- Савва – слава;
- Фома – сума;
- Илья – свинья;
- Емеля – неделя;
- Ананья – Маланья.

Во всех приведенных выше примерах рифмующиеся пары имен существительных восходят к прежнему древнерусскому склонению с древней основой на *-ā, *jā.

Проведенный нами анализ показывает, что такие существительные и одного варианта одного, и того же склонения образуют точные рифмы, употребляясь в одной падежной форме, напр.:

• в формах именительного падежа твердого варианта склонения, ср., напр., следующие группы:

– группу Ивашка – рубашка: Щеголь Ивашка (*-ā, тв. вар., имен. п.): что ни год, то рубашка (*-ā, тв. вар., имен. п.);

– группу Савва – слава: Был Савва (*-ā, тверд. вар., имен. п.), была и слава (*-ā, тв. вар., имен. п.). Каков Савва (*-ā, тверд. вар., имен. п.), такова ему и слава (*-ā, тв. вар., имен. п.). Поп-то Савва (*-ā, тверд. вар., имен. п.), да не хороша слава (*-ā, тв. вар., имен. п.). Худая слава (*-ā, тверд. вар., имен. п.), что без кафтана Савва (*-ā, тверд. вар., имен. п.). На Ивана слава (*-ā, тверд. вар., имен. п.), а виноват-то Савва (*-ā, тверд. вар., имен. п.);

– группу Фома – сума: Горюет Фома (*-ā, тв. вар., имен. п.), что густа у него сума (*-ā, тв. вар., имен. п.). Большого ума Фома (*-ā, тверд. вар., имен. п.), да зато велика у него сума (*-ā, тверд. вар., имен. п.);

• в том числе, если личное имя собственное представлено в форме современ-

ного именительного падежа, соответствующего в древнерусском языке звательной форме: Радуйся, Кирюшка (*-ā, тв. вар., имен. п. = др.р. зват.ф.), будет у бабушки пирушка (*-ā, тв. вар., имен. п.);

• и в формах именительного падежа, мягкого варианта склонения, ср., напр.

– группу Илья – свинья: Рад Илья (*jā, мягк. вар., имен. п.), что опоросилась свинья (*jā, мягк. вар.). В людях Илья (*jā, мягк. вар., имен. п.), а дома свинья (*jā, мягк. вар., имен. п.);

– группа Ананья – Маланья: Ананья (*jā, мягк. вар.) да Маланья (*jā, мягк. вар.), Фома да кума и место заняли. Каков Ананья (*jā, мягк. вар.), такова у него и Маланья (*jā, мягк. вар.). Охала Маланья (*jā, мягк. вар.), что уехал Ананья (*jā, мягк. вар.);

• в том числе также, если личное имя собственное представлено в форме современного именительного падежа, соответствующего в древнерусском языке звательной форме,

– ср., в частности, пару Емеля – неделя: Не мели, Емеля (*jā, мягк. вар., имен. п. = др.р. зват.ф.), не твоя неделя (*jā, мягк. вар., имен. п.). Мели, Емеля (*jā, мягк. вар., имен. п. = др.р. зват.ф.), твоя неделя! (*jā, мягк. вар., имен. п.). Покинь, Емеля (*jā, мягк. вар., имен. п. = др.р. зват.ф.), не твоя неделя (*jā, мягк. вар., имен. п.);

• в формах родительного падежа, ср. пары: – группу Ивашка – бражка: Без Ивашки (*-ā, тв. вар., род. п.) не выпьешь бражки (*-ā, тв. вар., род. п.);

– группу Андрюшка – полушка: У нашего Андрюшки (*-ā, тв. вар., род. п.) нет ни полушки (*-ā, тв. вар., род. п.);

– группу Савва – слава: От Саввы (*-ā, тв. вар., род. п.) славы (*-ā, тв. вар., род. п.), а от Перши чести;

• или в формах винительного падежа, ср. две группы:

– группу Савва – слава: Сделали славу (*-ā, тв. вар., вин. п.) – поколотили Савву (*-ā, тв. вар., вин. п.). Учестили Савву (*-ā, тв. вар., вин. п.) ни в честь, ни в славу (*-ā, тв. вар., вин. п.);

– либо другую группу Фома – Ерема: Один про Фому (*-ā, тв. вар., вин. п.), другой про Ерему (*-ā, тв. вар., вин. п.). Я за Фому (*-ā, тв. вар., вин. п.), а он за Ерему (*-ā, тв. вар., вин. п.). Говорят про Фому (*-ā, тв. вар., вин. п.), а он про Ерему (*-ā, тв. вар., вин. п.).

В нашей картотеке пословиц только точную рифму создают «постоянные, устойчивые» пары существительных прежнего

древнерусского склонения с древней основой на *-ǫ, *jǫ типа:

- Иван – болван;
- Мартын – алтын;
- Мартын – тын;
- Роман – карман;
- Влас – квас;
- Петрак – батрак.

В пословицах, имеющиеся в нашей картотеке, приведенные пары имен существительных представлены разными падежными формами, в частности, они рифмуются в следующих падежных формах:

- в форме именительного падежа, ср. группы:
 - группа Иван – болван (особенно частотна): С именем Иван (*-ǫ, тв. вар., имен. п.), а без имени болван (*-ǫ, тв. вар., имен. п.). Горе, горе, что муж Григорий: хоть бы болван (*-ǫ, тв. вар., имен. п.), да Иван (*-ǫ, тв. вар., имен. п.). Был Иван (*-ǫ, тв. вар., имен. п.), а стал болван, а все винцо виновато. Иван не болван: не всяк на нем исправливал шапки. Иван (*-ǫ, тв. вар., имен. п.) болван (*-ǫ, тв. вар., имен. п.) молоко болтал, да не выболтал;

– группа Мартын – алтын: Добр Мартын (*-ǫ, тв. вар., имен. п.), коли есть алтын (*-ǫ, тв. вар., имен. п.). Каков Мартын (*-ǫ, тв. вар., имен. п.), таков у него и алтын (*-ǫ, тв. вар., имен. п.);

– группа Роман – карман: Роман – кожанный карман. Худ Роман (*-ǫ, тв. вар., имен. п.), коли пуст карман (*-ǫ, тв. вар., имен. п.);

– группа Петрак – батрак: Было у Петрака четыре батрака, а ныне Петрак (*-ǫ, тв. вар., имен. п.) сам батрак (*-ǫ, тв. вар., имен. п.);

– группа Влас – квас: Был квас (*-ǫ, тв. вар., имен. п.), да выпил Влас (*-ǫ, тв. вар., имен. п.), доберется до того, кто и варил его;

• либо в форме родительного падежа для следующих групп:

– группа: Иван – болван: Ростом с Ивана (*-ǫ, тв. вар., род. п.), а умом с болвана (*-ǫ, тв. вар., род. п.);

– группа: Петрак – батрак: Было у Петрака (*-ǫ, тв. вар., род. п.) четыре батрака (*-ǫ, тв. вар., род. п.), а ныне Петрак сам батрак;

• либо в форме винительного падежа для группы Иван – болван: Пошли Ивана (*-ǫ, тв. вар., вин. п.), за Иваном болвана (*-ǫ, тв. вар., вин. п.), за болваном еще дурака, так и сам иди туда. Я говорю про Ивана (*-ǫ, тв. вар., вин. п.), а ты про болвана (*-ǫ, тв. вар., вин. п.);

• либо в форме творительного падежа для групп:

– группа Иван – болван: Крестил поп Иваном (*-ǫ, тв. вар., твор. п.), да прозвали болваном (*-ǫ, тв. вар., твор. п.);

– группа Мартын – алтын: Алтыном (*-ǫ, тв. вар., твор. п.) да Мартыном (*-ǫ, тв. вар., твор. п.) хоть ворота запирай;

• в том числе, в разных формах, а именно, именительного падежа имени собственного и винительного падежа имени неодушевленного (что вполне предсказуемо и легко объяснимо: у неодушевленных существительных форма винительного падежа совпадает с формой именительного падежа), ср. следующие группы пословиц:

– группа Мартын – алтын: Потерял Мартын (*-ǫ, тв. вар., имен. п.) отцов алтын (*-ǫ, тв. вар., вин. п.). Стоит Мартын (*-ǫ, тв. вар., имен. п.) за свой алтын (*-ǫ, тв. вар., вин. п.);

– группа Мартын – тын: Мартын (*-ǫ, тв. вар., имен. п.) свалился под тын (*-ǫ, тв. вар., вин. п.). Шутил Мартын (*-ǫ, тв. вар., имен. п.), да и (спрятался) свалился под тын (*-ǫ, тв. вар., вин. п.);

– группа Роман – карман: Приехал к торгу Роман (*-ǫ, тв. вар., имен. п.), привёз денег полон карман (*-ǫ, тв. вар., вин. п.). Не надейся, Роман (*-ǫ, тв. вар., имен. п.), на чужой карман (*-ǫ, тв. вар., вин. п.), а пораньше вставай да свой наживай;

– группа Влас – квас: Отыскал Влас (*-ǫ, тв. вар., имен. п.) по нраву квас (*-ǫ, тв. вар., вин. п.);

• и в формах винительного падежа имени собственного и родительного падежа имени неодушевленного (что также предсказуемо: у одушевленных существительных форма винительного падежа совпадает с формой родительного падежа): Видно, Арсения (*jǫ, мягк. вар., вин. п.) ждать до воскресения (*jǫ, мягк. вар., род. п.).

Если же рифмуются анализируемые пары существительных в разных падежных формах, то в пословицах создается неточная рифма, ср.: Барашки (*-ā, тв. вар., имен. п.) у Малашки (*-ā, тв. вар., род. п.), а две сумы у Фомы.

Приведем примеры с неточными рифмами в других группах:

– группа Савва – слава: Доброму Савве (*-ā, тв. вар., дат. п.) добрая и слава (*-ā, тв. вар., имен. п.);

– группа Ивашка – рубашка: Милёнок Ивашка (*-ā, тв. вар., имен. п.) в белой рубашке (*-ā, тв. вар., предл. п.). По Ивашке (*-ā, тв. вар., дат. п.) рубашка (*-ā, тв. вар., имен. п.). Когда у Ивашки (*-ā, тв. вар., род. п.) белая рубашка (*-ā, тв. вар., имен. п.), тогда у Ивашки и праздник; У Ивашки (*-ā, тв. вар., род. п.) белая рубашка (*-ā, тв. вар., имен. п.), так и праздник.

Рифмовка личных имен собственных, восходящих к описываемым двум разным древним склонениям на *-ā, *jā и на *-ō, *jō, в исследованных нами пословицах имеет некоторые очень серьезные отличия.

В частности, в разных падежных формах могут рифмоваться между собой имена древнерусского склонения с древней основой на *-ā, *jā сразу двух родов: напр., мужского и женского, ср. рифмующиеся формы мужского и женского в форме:

– именительного падежа: Щеголь Ивашка (мужской род): что ни год, то рубашка (женский род). Поп-то Савва (мужской род), да не хороша слава (женский род). Худая слава (женский род) что без кафтана Савва (мужской род). Горюет Фома (мужской род), что пуста у него сума (женский род). В людях Илья (мужской род), а дома свинья (женский род). Охала Маланья (женский род), что уехал Ананья (мужской род),

– или родительного падежа: Без Ивашки (мужской род) не выпьешь бражки (женский род) и других падежей (примеры см. выше).

Это вполне объяснимо, т. к. древнерусское склонение с древней основой на *-ā, *jā объединяло большинство существительных женского рода и ограниченное количество слов мужского рода.

А существительные древнерусского склонения с древней основой на *-ō, *jō твердого и мягкого вариантов рифмуются только в формах одного рода – мужского, напр.:

– именительного падежа: Горе, горе, что муж Григорий: хоть бы болван (мужской род, имен. п.), да Иван (мужской род, имен. п.). Худ Роман (мужской род, имен. п.), коли пуст карман (мужской род, имен. п.). Какков Мартын (мужской род, имен. п.), таков у него и алтын (мужской род, имен. п.). Был квас (мужской род, имен. п.), да выпил Влас (мужской род, имен. п.), доберется до того, кто и варил его,

– или в парных формах именительного падежа и в парных формах родительного падежа: Было у Петрака (мужской род, род. п.) четыре батрака (мужской род, род. п.), а ныне Петрак (мужской род, имен. п.) сам батрак (мужской род, имен. п.) и др. падежных формах (примеры см. выше).

Что также легко объяснимо, т.к. древнерусское склонение с древней основой на *-ō, *jō объединяло существительные мужского и среднего рода. В описываемых пословицах представлены личные имена собственные, называющие мужчин, поэтому и рифмуются существительные мужского рода.

Отсутствие в рифмовке слов среднего рода связано с тем, что трудно представить существительное среднего рода для обозначения лица (обозначенного именем собственным).

Таким образом, рифмовка в русских пословицах личных имен существительных собственных с другими именами существительными обусловлена в том числе историко-грамматическими причинами, в частности, принадлежностью этих имен к прежним типам склонения, в частности, к склонениям с древней индоевропейской основой на *-ā, *-jā и на *-ō, *-jō твердого и мягкого вариантов.

Список литературы

1. Буслав Ф.И. [Рецензия на книгу:] Мысли об истории русского языка. И. Срезневского // Хрестоматия по истории русского языкознания / Сост. Ф.М. Березин. – М.: Высшая школа, 1977. – С. 117-123.
2. Даль В.И. Пословицы русского народа. Издание второе. В 2 т. – СПб.- М.: Изд-ние книгопродавца-типографа М. О. Вольфа, 1879.
3. Твердохлеб О.Г. Третья лабиализация звука [ʔ] в [ʔ] в древнерусском языке: к вопросу о рифмовке русских пословиц // Аванесовские чтения: Международной научной конференции: Тезисы докладов / Под общ. ред. М.Л. Ремневой и М.В. Шульги. – М.: МАКС Пресс, 2002. – С. 258-260.
4. Твердохлеб О.Г. Утрата конечного сонорного -л вследствие падения редуцированных и рифмовка русских пословиц // Язык и поэтика русского фольклора: к 120-летию со дня рождения В.Я. Проппа / отв. ред. Н.В. Патроева. – Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2015. – С. 106-108.
5. Твердохлеб О.Г. Об использовании русских пословиц при обучении исторической морфологии // Новая наука: Современное состояние и пути развития. – 2015. – № 4-2. – С. 172-175.
6. Твердохлеб О.Г. Рифмы в русских пословицах, включающих личные имена собственные: морфолого-исторический аспект // Языковая толерантность как фактор эффективности языковой политики: материалы Международной научно-практической конференции (Пермь, 13 ноября 2015 г.) / науч. ред. Н.В. Голохвастова. – Пермь: АНО ВПО «Прикамский социальный институт», 2015. – С. 126-133.
7. Тимофеев Л.И., Тураев С.В. Словарь литературоведческих терминов. – М.: Просвещение, 1974. – 509 с.
8. Томашевский Б.В. Стилистика и стихосложение. Курс лекций. – Л.: Ленингр. отделение Учпедгиза, 1959. – 536 с.